

Максим
Аржаков

Амазонка

Максим Аржаков

Амазонка (сборник)

«Accent Graphics communications»

Аржаков М.

Амазонка (сборник) / М. Аржаков — «Accent Graphics communications»,

Сборник рассказов – ностальгия, мистика, экспрессионизм. ...Заходите, заходите, месье! Да, месье, старые вещи... Хе-хе... Антиквар, салон – слишком красивые слова для меня и моего магазинчика. Лавка старья, месье, – так-то будет вернее... В старых вещах, прошедших через множество рук, есть что-то, месье, чего не сыщешь в новых. Дух от них идет какой-то. Будто они чего-то рассказать рвутся... ...Я стоял в первом ряду шестой манипулы принципов Медвежьего легиона. Слева в клубах пыли на нас заходила конница самнитов, перестраиваясь на ходу в боевой порядок. В первой линии послышалась перекличка центурионов, и вся масса десяти манипул мерно, отточено и страшно двинулась вперед... ...Мелькнула в небе комета Галлея, дохнула на Землю ужасом вселенской, космической катастрофы... Страшная в своей предсказуемости параболы. Мелькнула и сгинула в космической бездне, унося в своем полупрозрачном звездном шлейфе души самоубийц и сумасшедших, чей разум не выдержал ожидания уготованного миру конца... Засеяла семена неотвратимости, необходимости и сладостного ожидания катастроф... ...Я летел над степью, освобожденный из изрубленного и растоптанного тела восемнадцатилетнего юнкера Алексеева, бесстрастно наблюдая за происходящей внизу круговертью людских и конских тел. Для меня уже не существовало своих и чужих. Шум боя уходил вниз и вглубь... ...Брызнули в хрусталь струи ледяной, кипящей, игристой влаги, брызнули первые лучи солнца сквозь густые кроны лип на росистую траву, рассыпались по поляне мириадами алмазных искр... ...Последнее, что я осознал перед тем, как потерять сознание было то, что вместо джинсов и кроссовок на мне ладно сидят галифе и высокие сапоги, а грудь вместо ветровки облегает гимнастерка с болтающимся слева георгиевским крестиком... ...Господи! Извините, мсье. О чем это я... Это все ваше вино, мсье. Мне ведь нельзя... Нисколько нельзя...

Содержание

Лавка дядюшки Поля	5
Исцеление	9
Фиалки	11
Еще раз про любовь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Максим Аржаков

Амазонка. Рассказы

Но все – правда, даже если этого не случилось.
Кен Кизи

...this is nothing but dreaming...
Е. Поэ

Лавка дядюшки Поля

Заходите, заходите, месье! Добрый день! Да, месье, старые вещи. Спасибо, конечно, на добром слове, месье. Антиквар, салон, хе-хе, – слишком красивые слова для меня и моего магазинчика. Лавка старья, месье, – так-то будет вернее, а дядюшка Поль, стало быть, старьевщик, месье.

Конечно, месье, все, все можно трогать руками.

Шпага, месье. Нет, не думаю, месье. Деятнадцатый век. В те времена вопросы чести решали уже с пистолетами, месье. Вон, с полгода назад у меня один американец купил рапиру восемнадцатого века. Той, может, и взаправду дрались. А эта, навряд ли. Да! Просто полагалась к мундиру.

А вот эта кираса, месье, эта боевая. Может, и наполеоновского гвардейца. Даже скорее всего, месье. В таком случае, конечно, помнит Императора. Гляньте – здесь сбоку, слева вмятина. Сдается мне, что от казачьей пики, месье.

А это вот картуз офицерский. Германский, месье. Первая мировая. Вон, дырка в тулье, а на изнанке подтеки бурые. Может, и пот, месье, а может и кровушка. Где-то гниют сейчас, хе-хе, его косточки.

Да уж, сколько лет, месье. Дай Бог памяти, почитай уж пятьдесят с лишком лет здесь торгую. Лавка-то мне от отца досталась, а ему – от его отца, моего деда, стало быть. Зимой езжу по деревням, собираю старый хлам, а летом здесь стою. С пятнадцати лет, месье. Как отец помер. Так что вся моя жизнь тут прошла среди вещей старых, свой век отживших. Вроде бы никому уж и не нужных, а ведь, поди-ка, заходит народ, перебирает этот хлам, покупают чего-то. Всегда у дядюшки Поля деньжонки на овощное рагу да баранью котлетку да стаканчик винца да табачок водились. Тянет людей сюда, а чего тянет и сами сказать не умеют.

В старых вещах, прошедших через множество рук, есть что-то, месье, чего не сыщешь в новых. Дух от них идет какой-то. Будто они чего-то рассказать рвутся.

Привезешь, бывало, фургон со старьем, сидишь потом вечерами, перебираешь. Что сразу же на продажу, что подклеить, подправить, подчистить. Иной раз так задумаешься над какой-нибудь вещицей. Кто ей владел? Да, как и когда жил? Очнешься потом – как будто возвернешься, Бог знает, откуда.

Это, конечно, правильно, что в церкви говорят. Что душа, мол, после смерти к престолу Всевышнего летит. Только мне, порой, сдается, что так это, да не совсем так. Ну, жил человек, сколько ему отмерено.

Думал, мечтал, чего-то любил, чего-то не любил, но всегда его вещи окружали. Бездушные, вроде бы, или – как это по-книжному – неодушевленные. Ан, нет! Чувствуют они, все чувствуют, месье. Отношение к себе чувствуют. Эти, как их, имоции. Впитывают они

эти самые имоции, как, скажем, дерево лак. Укумулируют. Умрет человек, а что-то от него в вещах остается.

Вот вы усмехаетесь, месье, – вот, скажете, дядюшка Поль в философию ударился. А ведь, правда, месье. Помню, как-то мне комодик попался. Аккуратный такой. Так, бывало, в какой его угол не поставь, а он все норовил острым краем в бок сунуть. Синяк посадить. Я его потом в чулан, от греха подальше, убрал. Так, не поверите, месье, мыши из чулана подчистую ушли. Как, скажем, корова языком слизнула.

Восемнадцатый век, месье. Нет, конечно, матрац перетянут, да и пружины новые, но дерево и основа из того времени, месье.

Вот, скажем, месье, эта кровать. Уж настолько обыденная вещь, в любом доме есть, а кровать – она не просто кровать. Кровать, она душе отдохновение дает. Вот, скажем, вечером ложишься спать, согреешься под одеялом, глядь, все дневные заботы потихоньку так и отступают. Лежишь и думаешь – да и Бог с ними! Оставляю-ка все мысли свои до утра! Так и забудешься сном. А утром, вроде, как и по-другому на мир смотришь. Вроде как аптемистичнее, что ли. Недаром говорят, что пока человек спит, душа покидает тело да и странствует в весях, стало быть. Отдыхает, стало быть, от брэнности тела нашего да забот низменных. Ей, бедняжке тоже, небось, нелегко с нами – все бежим, торопимся куда-то. Ей, небось, тоже отдых требуется. Так что, месье, я так считаю, что сон он не только телу отдых дает. Он душу нашу лечит.

А с другого боку, месье, подойти, так где же и пожалеть самого себя, как не в кровати. Слаще всего, месье, в кровати плачется, особенно когда жизнь свою вспоминать начинаешь. Так что эта кровать, она столько помнит, столько людей от душевной скорби врачевала – подумать страшно.

А с другого боку – это уж с третьего боку, стало быть, месье, – говорить не будем, а так только намекнем, поскольку люди мы уже не первой молодости. Сколько нежных слов тут было сказано, сколько поцелуев да и всего такого... А вы изволите говорить – кровать, месье.

Или вот здесь – кухонные причиндалы, месье. Смотрю я на них, так и вижу – утро пасмурное, осеннее. Темно еще на дворе, промозгло. А меленка – гrr-гrr – кофе мелет. А этот вот кофейник на плите булькает. Аромат-то какой! А из печки вон той – запах булочек горячих. Шурудит у плиты старушечка. Аккуратная такая – в чепце да в передничке. А старичок ейный утреннюю газету читает да поверх очков поглядывает – скоро ли кофейком с булочкой его хозяйка побалуует. Ну, прямо как живые!

Или, скажем, елочные украшения, месье. Орех золоченый – позолота-то, конечно, слезла, но лет пятьдесят назад – как, должно быть, весело блистал. Колокольчик бронзовый да звезда Вифлеемская да шар расписной. Подумать если, сколько же радости у ребятни было, когда под Рождество елку обряжали. Они сейчас уже взрослые, может, зачерствели душой, а может, и в живых кого уж нет – а игрушки помнят их тогдашнее счастье. Помнят, месье, хранят и делятся с нами этой радостью ребячьей. Особливо в сочельник – такое творится...

Африканский барабан, месье. Чудно так называется – тамтам. А это копьё дикарское. Вам виднее, месье. Может и подделка. Только я когда протираю пыль, беру его в руки, а барабан тихонько так петь начинает: там-там, там-там. Не поверите, месье, а прямо жуть берет. Положишь копьё на место, и тихо сразу же.

Да, ломберный столик, месье. Начало девятнадцатого века. Подумать страшно, месье, сколько игроков собирал вечерами вокруг себя этот столик. Вон, как сукно истерто. Бог знает, сколько удач и проигрышей может он помнить. Сколько трагедий. Знаете ли, месье, есть такие азартные... Проиграются, хе-хе, в пух и прах, а потом – пулю в лоб... А может они и до сих пор приходят сюда карты раскинуть... А что?

Темными ночами, когда дядюшка Поль мирно похрапывает наверху. Иначе откуда же, хе-хе, взяться на сукне свежим пятнам от мела?

А здесь, в этом углу старые фотографии, месье. Между нами, месье. Я, стало быть, по глупости своей так рассуждаю. Не от Бога это – фотографии-то. Нет, если на документы, то это ничего. Это, как бы лучше сказать, без души, механистически, что ли... А если с душой – мне, месье, иногда не по себе делается, когда я перебираю карточки старые. Уж больно они, месье, живые. Так и глядят. Да и портреты, конечно. Вон наискосок через улицу, чуть правее, месье, Мустафа «шаурма да шашлык-машлык та-а-аргует». Так он рассказывал, что по ихнему закону нельзя изображать человека ни на бумаге, ни на холсте. Так-то! Я, как-то давным-давно, занятую книжку читал.

Русского писателя... Эх, не вспомню сейчас, месье... Такая чисто русская фамилия – Гогонь, что ли, Гогорь... Так вот, у этого Гогоня один художник возьми и напиши портрет местного банкира, а другой художник возьми и купи его в лавке как моя. Что потом было, месье! Страсть! Этот банкир, он, стало быть, душу дьяволу продал, а когда помер, его душа в портрете осталась. Он и давай по ночам безобразничать. Правда, месье! Выходил по ночам из рамы и людей пугал... Да, нет, месье! У меня, хе-хе, такого не бывало. Сказки, конечно! А с другой стороны, месье, поживите всю жизнь среди старых вещей... Вон, взять хотя бы того. Вон, в углу на фотографии. С бакенбардами и лысиной. О, как смотрит! Того и гляди, хе-хе, что-нибудь скажет. А, может, и говорит, а? Дождется, когда никого в лавке нет, и разговаривает со своими дружками на других фотографиях.

А этот вот, видать, добрый! Может, доктор какой. Я когда на него смотрю, прямо легчает как-то. А этот – в мундире который – суров. Но видно, что честный. Нет! При нем не побезобразишь! Орлом глядит! А здесь вот новобрачные. Видать, сразу после церкви сфотографировались. Ага! В фате, а он при цилиндре. Красавцы! Я их карточку нарочно поближе к той самой кровати, хе-хе, повесил.

Дядюшка Поль, хоть сам так и не женился, а знает, что у молодых на уме. А это вот моя любимая! В годах уже, под стать дядюшке Полю! Я когда здесь, стало быть, прибираюсь, она так с усмешкой на меня глядит. Мол, как уборка у старого холостяка. А я ей тогда говорю, что, мол, ничего не поделаешь, мадам, хозяйкой не обзавелся, так что приходится все самому. Как уж получается, мадам.

А это вот женские штучки. Пудреница из слоновой кости, зеркальце в бронзовой оправке да гребни костяные. Без этих штукovin, месье, красавицам лет, эдак, сто назад и жизнь не в жизнь была бы. А, может, вон тот месье, что на фотографии, их своей суженой подарил перед свадьбой. Надо сказать, месье, – дорогой по тем временам подарок. Влетел ему в кругленькую сумму. Зато она уж как рада была. Я все это нарочно на прикроватную тумбочку сложил. Вот так, месье, пропустишь, бывает, после ужина парочку стаканчиков, сидишь, покуливаешь трубочку, перебираешь вещички – складываешь из кусочков чужие жизни. Точно, месье, вся наша жизнь вот из таких милых сердцу кусочков состоит. А, стало быть, осколочки жизней да судеб потом в лавке у дядюшки Поля, хе-хе, оседают. А сколько, небось, таких дядюшек Полей по всему миру.

Ко мне иногда заезжает месье Жерар – вот он уж точно антиквар, как вы изволили выразиться. Из самого Парижа. У него там не один салон. Важный такой. Машина у него такая большая, блестящая. А зайдет, бывало, ко мне в магазинчик, увидит чего-нибудь новенькое, так не поверите, месье, прямо вопьется. Вся важность с него вмиг слетает – шляпу с перчатками прям на пол швырнет, полезет в угол, весь пылью перемажется. Сияет прям весь. Он у меня часто на ночлег останавливается. Притащит из машины коньяк да лимон да сыр дорожный, а я яишню заделаю – и сидим мы с ним ночь напролет.

Все друг дружке байки разные из жизни вещей старых рассказываем. И смех, и грех, месье. Ведь, вроде уж, пожилые люди, а увлечемся – кричим, месье, перебиваем друг дружку.

Он – не чета мне – человек образованный, так и сыпет датами да фактами историческими, а вот не гнушается с дядюшкой Полем время скоротать. Да и то сказать, месье, вот он, к примеру, человек обеспеченный, и деньги на старье хорошие делает – я-то, между нами, в основном, на его комиссионные живу – а душа у него открытая к мечтанию осталась. Не деньги он, в первую голову, в старых вещах видит, не деньги, а те самые осколки жизни чужой, что мы поминали давеча.

Пейзажик, месье. Дилетант, конечно. 1901 год – вот здесь, в углу помечено, а подписи не разобрать. Должно быть, местный, потому как знаю я это местечко. Как из нашего городка выезжать, так сразу же направо, где сейчас бензоколонка стоит. А смотреть надо от кафе придорожного. Я-то помню его прямо таким как здесь нарисовано. Вот на этом холме я мальцом, бывало, ежевику да чернику собирал.

Матушка-то моя, земля ей пухом, мастерица была пироги с ягодами печь. Вот тоже, месье. Жил вот человек, рисовал. Для себя, видимо, рисовал, нравилось ему это дело, стало быть. Помер уж, наверно, давненько, а сколько же от него осталось... Я, к примеру, как посмотрю на эту картинку – безделица, вроде, и цена ей грош – так вкус пирога во рту и чувствую, да матушку и батюшку вспомню.

Прямо слеза прошибет. Да, ведь, наверно, не один я такой. Вон и вы, месье, я же вижу – без усмешки, с пониманием, стало быть, барахлишко мое перебираете. А дядюшке Полю иного и не надо...

С недельку еще у нас тут проживете, стало быть? Конечно, заходите еще, месье. В любое время буду рад вас видеть. Если закрыто будет, вон в колокольчик звякните...

Спасибо, спасибо, месье! Я уж, стало быть, вечером... за ваше, хе-хе, здоровье, месье...

Исцеление

Вот уже две недели я свободен от той изматывающей меня в течение последних нескольких лет боли. Если можно привыкнуть к постоянным физическим страданиям, то я к ним привык. Непонятный недуг, вызывающий лишь глубокомысленное покачивание голов умудренных опытом лекарей, точил меня изнутри, убивал всякое желание жить, калечил мои мыслительные способности, концентрируя работу мозга только на ощущение физического страдания, размазанного по всему телу. В считанные месяцы я превратился в дряхлого старика, для которого было подвигом самостоятельно подняться с постели и подойти к окну, вдохнуть свежий ветерок, треплющий занавески запахом трав с ближайших полей. Бессонными ночами сквозь прижмуренные веки я ловил боязливо-жалостливый взгляд немолодой, доброй сиделки. Взгляд, что лучше любого светила медицинской науки диагностировал мой стремительный полет к смерти.

Ужаснее всего было то, что физическое заболевание полностью убивало мои мысли, так любившие бродить по лабиринтам вечных вопросов бытия, мою память, привыкшую толкаться среди неисчислимой людской толпы, выплескивающейся со страниц исторических фолиантов в мой уютный кабинет. Убивало мою бессмертную душу, стремящуюся парить в неведомых дальях и высях.

Так вот! Две недели назад произошло чудесное исцеление. Боль ушла практически мгновенно. Боясь осознать происходящее, я какое-то время лежал неподвижно, прислушиваясь к давно забытому ощущению внутреннего покоя. Я чувствовал себя как человек, мгновенно освобожденный от давившей его в течение долгого времени тяжести. Это было что-то сродни полету или, скорее, парению.

Через какое-то время я рискнул подняться с постели. Перевернулся с привычной опаской на левый бок, чтобы свесить сначала правую, а потом левую ногу. Обычно эта простая процедура требовала напряжения почти всех оставшихся у меня после длительной болезни сил. Сейчас же тело легко и услужливо повиновалось любым моим движениям. Для начала я прошелся по комнате, бывшей столько лет моей тюрьмой, наслаждаясь такой обыденной для здорового человека способностью двигаться без посторонней помощи. Тело, ноги, руки были сильны и невесомы. О Боже, что это было за наслаждение. Я вышел в холл и с легкостью взлетел по лестнице на второй этаж, в мой любимый кабинет. Такую легкость в движениях, такое неповторимое желание двигаться, двигаться быстро и играючи, помню, я испытывал лишь в годы далекой юности, когда усиленно занимался спортом.

Итак, уже две недели, как я свободен от своего недуга. Странно, но это чудесное исцеление коснулось не только моего физического состояния. Никогда еще я не мыслил с такой охотой и с такой эффективностью. Мой разум шутя расправляется с любыми логическими головоломками. Мне удастся с ходу разрешить самые неразрешимые и каверзные вопросы мироздания, а мелкие проблемы бытия, высасывавшие всю жизнь мою нервную энергию, отходят куда-то вдаль, кажутся мелкими и не стоящими внимания. Единственное, что меня несколько гнетет, так это появившееся внезапно, одновременно с исцелением полное равнодушие к реальной жизни за стенами моего дома и даже к моим близким, которых, помню, я нежно любил, которые так беспокоились обо мне, так терпеливо ухаживали за мной в период моей болезни. У меня даже ни разу не появилось желание встретиться с ними и известить о моем исцелении.

Но зато, вот уже две недели, как мой разум вмещает в себя огромные, не поддающиеся никакой оценке пласты информации. В мыслях своих я свободно перемещаюсь во времени и пространстве, перемещаюсь с такой же легкостью, с какой мое тело перемещается по дому.

Тайны Вселенной, тайны происхождения жизни перестали существовать, перешли в твердое, спокойное Знание...

В последние дни у меня появилось странное хобби. Ближе к ночи я выхожу прогуляться в дальний угол местного небольшого кладбища, где мои добрые друзья и родственники с неведомой для меня целью воткнули в холм свежевзрытой земли большой деревянный крест, написав на нем зачем-то мое имя и проставив две даты, разделенные непонятной черточкой.

Фиалки

Спасибо, мсье. Если только полстаканчика. Вот до сюда, где мой палец, мсье...

Чудесное местечко, не правда ли? Деревянная эстрада над прудом, столики под тентами... Я хожу сюда уже сорок два года. Каждую весну, мсье. Помню, лишь в 1972 году пропустил – четыре недели лежал с пневмонией. И вы знаете, мсье, за эти годы здесь практически ничего не изменилось. Лишь вон там построили новые дома, но я всегда сажусь к ним спиной, смотрю на пруд, лебедей, лилии, камыш... Все совсем как тогда – той весной шестидесятого второго...

В этом году хорошая весна, мсье. Да, и погода, конечно... Удивительное тепло стоит... Но самое главное, мсье, понимаете, за всю эту весну *на пруду ни разу не появились фиалки*... Такого еще никогда не бывало. Хе-хе-хе! Да они могут взяться откуда угодно. Вы просто не знаете, какие это коварные цветы...

...Ей в этом году исполнилось пятьдесят восемь – три дня назад мы отпраздновали ее день рождения. А она, вы не поверите, ну совсем не изменилась с тех пор, как мы с ней здесь на этой эстраде отмечали ее шестнадцатилетие. Я имею в виду внешне, конечно. Понимаете, мсье... Это поразительно, но она *совсем* не постарела. Только глаза стали еще печальнее... Но, главное, она, похоже, наконец-то простила меня. Она ничего не говорит, только смотрит – знаете, мсье, она как-то странно смотрит – взгляд, глаза, черты лица, того самого молодого, любимого лица слегка колеблются, будто глядишь сквозь воду, но в остальном... Как будто бы и не было этих сорока двух лет. Нет, я определенно чувствую, что она простила меня – *иначе почему же на пруду нет фиалок*...

Если позволите, мсье. Ага, полстаканчика...

...Они, этот небольшой букетик был приколот тогда в шестьдесят втором к левому лацкану ее белого весеннего платья... Это было красиво, а ей было шестнадцать... Я был немногим старше. Старше годами, конечно. А сердцем я был просто избалованный противный ребенок.

Мы с ней сидели вон там – за тем столиком, за которым сейчас гогочут трое американцев. Она что-то говорила. Очень быстро – сначала требовательно, потом просительно. Отстегнула букетик фиалок и нервно теребила его в руках... Мне бы вспомнить сейчас, мсье, что она тогда говорила. Все как в тумане... Помню ее голос, интонации – но смысл сказанного, мсье, смысл... Не помню, ничего не помню...

Да надо сказать я ее тогда и не особенно слушал. Сидел, вращал пальцами высокую ножку фужера с пурпурным вином. Думал о чем-то...

Спасибо, мсье. Ваше здоровье...

Помню лишь, что в какой-то момент меня вдруг оглушила тишина. Тугая, вязкая тишина, мсье... Все смолкло – ее голос, голоса за соседними столиками, пение птиц, шуршание камыша... Все... Остались только глаза. Печальные... Она, видимо, задала какой-то вопрос. Мне бы вспомнить что она спросила... А она ждала ответа...

Я, мсье, зачем-то зевнул тогда. Нет, очень вежливо зевнул. Так чуть-чуть отвернувшись, с красивой небрежностью прикрыв рот рукой...

...Она очень медленно шла к краю эстрады. Вон туда, в тот угол, что навис над водой. Она шла очень медленно, белая и красивая, медленно роняя правую руку с зажатым в кулачке букетиком фиалок. А я уже тогда все понял, мсье. Все... Кричал ей в спину. Громко... И очень медленно кричал.

Вы знаете, мсье, как медленно можно тянуть на себя скатерть... Тянуть и смотреть как медленно льется на брюки струйка пурпурного вина из медленно опрокидывающегося фужера...

Вы представить себе не можете, мсье, как это страшно, когда по воде плывет растрепанный букет фиалок. Эти фиалки, они хуже любого сорняка. Они тогда мгновенно покрыли весь пруд, заполнили камыши... Вся эстрада была в фиалках. Они застлали мне глаза, заткнули гортань... Помню потом несколько дней я отдираю эти несносные цветы со своего пиджака... А запах, мсье... Запах... Он преследует меня уже сорок два года. Все, все вокруг пропахло фиалками...

Тогда, конечно, было дознание в комиссариате. Абсолютно чистое дело – самоубийство на глазах двух десятков свидетелей. Потом похороны... Так красиво и трогательно... Народу почти никого – она, мсье, была полная сирота... Так, две-три подруги... Помню еще – оркестр так задушевно играл... Но, главное, мсье... Нагнитесь чуть-чуть поближе... Скажу вам, мсье, по большому секрету... Об этом никто не знает и даже никто не догадывается... Главное, мсье, они все сделали как полагается – протоколы, бумаги, освидетельствование, даже памятник за счет муниципалитета через год поставили – но про нее-то они забыли... Оставили здесь... Под эстрадой...

Все эти годы по весне она разбрасывает на пруду фиалки. А в этом году – нет... Как вы думаете, мсье? Может быть, она и вправду простила меня, мсье, а, может быть, она просто умерла? Или уехала куда... У нее были какие-то родственники в Марселе... Надо будет порыться в старых записных книжках – я как-то записывал их адрес – да черкнуть ей открытку... Но все равно... Эти фиал...

Господи! Извините, мсье. О чем это я... Это все ваше вино, мсье. Мне ведь нельзя... Нисколько нельзя...

Еще раз про любовь

Клянусь блаженной памятью невинных салемских дев, я ненавидел ее всю жизнь.

Я ненавидел ее в детстве, когда жаркими летними днями в зеленом плаще мальчишеских фантазий с палкой наперевес крался пожелтевшими страницами любимых зачитанных книг вверх по течению Мохаука, воображая себя великим краснокожим воином.

Когда таинственная и кровавая тропа войны вела меня сквозь дебри и чащи к берегам легендарного Онтарио. Я старательно выпячивал вперед нижнюю челюсть, мужественный, хладнокровный, суровый воин, и...

...слышал приглушенный, сдавленный смех, что бросал меня назад в тело белобрысого, взъерошенного мальчишки, такого смешного и нелепого со своей глупой палкой в руках. Конечно, это была она – в розовом плаще ревы и ябеды скакала на одной ножке с высунутом языком в туманных предгорьях Аппалачей, стараясь держаться, на всякий случай, подальше.

Я ненавидел ее в школе, когда после уроков в голубом плаще юношеских грез уходил бродить среди любимых холмов и гор северной Шотландии. Где-то внизу, глубоко под ногами стлались узкие озера, зажатые в скалистые расселины, торчали тут и там старые замки, навевая тихие мечты о прекрасных, утонченных дамах, служить которым было величайшим счастьем. И опять нижняя челюсть – вперед, и правая рука – к левому бедру, к воображаемой шпаге, и...

...глумливое хихиканье за спиной, и опять нестерпимый стыд за то, что она в который уже раз поймала меня в том самом положении, что столь сладостно для самого мечтателя и столь комично и смешотворно для стороннего наблюдателя. В желтом плаще задаваки и воображалы она проходила мимо, задрав короткий нос в самые облака.

Я ненавидел ее в университете, когда в лиловом плаще творческого одиночества углублялся в дебри теории, начиная в какой-то момент уже вслух дискутировать с воображаемыми оппонентами, жестикулирую, по несколько раз повторяя особенно удачные аргументы, и...

...слышал за спиной знакомое фырканье и видел в щели между полуприкрытой дверью и косяком блестящий, смеющийся глаз. Везде и всюду, стоило мне только остаться одному, задуматься или замечтаться, где-то рядом уже мелькали полы ее алого плаща вечной насмешки.

Клянусь блаженной памятью невинных салемских дев, это было невыносимо.

Даже окончание курса не принесло мне долгожданного освобождения. Нас двоих распределили в один город. Вернее, распределили меня.

Ей, как отличнице, был предоставлен выбор, но, естественно, она выбрала то самое место, куда уже отправился я. Отказалась от престижного столичного распределения только для того, чтобы иметь возможность всласть изводить меня. Клянусь блаженной памятью невинных салемских дев, ничего другого от нее нельзя было ожидать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.